Текст · 29 марта 2023, 11:59
Маргарита Алехина,

«У вас товарищи погибают, а вы замалчиваете». Журналист Максим Солопов выступил на процессе по делу о двойном убийстве под Рязанью

В Рязанском областном суде присяжные продолжают рассматривать дело против Максима Иванкина — левого активиста из Пензы, уже приговоренного к 13 годам колонии по делу «террористического сообщества "Сеть"». Силовики считают Иванкина виновным еще и в убийстве 19-летней Екатерины Левченко в рязанском лесу в 2017 году (он свою вину отрицает и говорит, что признания у него выбили пытками). Ее молодого человека, 21-летнего Артема Дорофеева, по версии следствия, тогда же убил Алексей Полтавец — его не судят, Полтавец скрылся в Украине.

27 марта суд допросил бывшего спецкора «Медузы» Максима Солопова, одного из авторов материалов о причастности Иванкина и Полтавца к убийству. Журналиста допрашивали пять часов, «Медиазона» приводит основные моменты из его показаний.

«Я так и не услышал альтернативной трактовки событий»

Допрос Максима Солопова занял больше пяти часов. Три из них журналист отвечал на вопросы гособвинителя, суда, подсудимого Максима Иванкина и его защитника Константина Карташова.

Еще около двух часов он комментировал свои тексты для «Медузы»: большой материал о деле «Сети» (в нем фигуранты дела связывались с убийством Артема Дорофеева и Екатерины Левченко в лесу под Рязанью) и монолог Алексея Полтавца (он утверждал, что совершил это убийство вместе с Максимом Иванкиным). С тех пор из «Медузы» журналист уже уволился, суду он представился как редактор «Ведомостей».

Солопов рассказал суду и присяжным, что, как и родители убитых Левченко и Дорофеева, впервые услышал подробную версию их пропажи от Ильи Хесина — активиста, знакомого с некоторыми фигурантами дела «Сети». Хесин, по словам Солопова, утверждал, что вышел на него через цепочку знакомых из антифашистской среды — и что спецкор «Медузы» был далеко не первым журналистом, к кому он обратился. К тому моменту в лесу рядом с деревней Лопухи уже нашли тело Артема Дорофеева. Но Екатерина Левченко числилась просто пропавшей.

Журналист не занимался в «Медузе» темой «Сети», поэтому привлек к работе свою коллегу Кристину Сафонову: она лучше знала дело, ездила на заседания суда в Пензе, общалась с окружением обвиняемых. Вместе они поговорили со знакомыми подсудимых, а также получили от коллег материалы дела.

«Дальше всплыли переписки, на которые указал Илья Хесин, — говорил Солопов. — Он до этого изучал материалы дела, был знаком с женой Пчелинцева, насколько я помню... И в деле были переписки, изъятые из телефонов при обысках. В

этих переписках участвовал Полтавец — в одной из переписок — и другие какие-то фигуранты либо упоминались, либо участвовали. Там косвенно шла речь об устранении неких "гражданских"».

По словам Солопова, вместе они «установили довольно странную картину»: «Многие наши коллеги-журналисты знали эту историю, но умалчивали о ней. А [фигуранты дела "Сети"] которые громко заявляли о пытках, не заявляли при этом, что у них товарища убили, что девушка пропала... Казалось бы, они должны были бить тревогу. Но нет», — рассказывал Солопов суду.

Журналист также назвал «странным» изменение показаний Дмитрия Пчелинцева — его следствие ФСБ называло лидером «террористического сообщества» (по делу об убийстве ему никаких обвинений не предъявлено).

По словам Солопова, он обратил на это внимание, изучая материалы дела: «Сначала он под пытками признался [в терроризме], потом отказался от показаний. Но потом задержали Иванкина[1]. И

Пчелинцев снова резко поменял свою линию — и вновь, уже при защитниках, при всем внимании прессы, стал признаваться в терроризме. Как можно было людей, ранее отрицавших вину, уже при адвокатах и при СМИ так переубедить, чтобы они снова признали свою вину?».

Незадолго до публикации первого текста — он вышел 21 февраля 2020 года — Солопов и Сафонова, используя знакомства Хесина, установили контакт с Алексеем Полтавцом.

— Он сам вам позвонил, написал? — уточнил прокурор Вадим Аладышев.

— Он попросил меня установить какой-то мессенджер, совершенно не популярный. Я его нашел, установил. И связался с ним по указанному контакту. Там была возможность видеосвязи, аудиосвязи. Я его попросил, чтобы он подумал, хочет ли он говорить. И если да, то максимально честно рассказать, что произошло.

— Он сразу согласился?

— Я дал ему время. Сообщил, что больше всего свидетельств о причастности к этим убийствам на данный момент в отношении него. Но я понимал, что один он не мог совершить [оба убийства] в тех обстоятельствах. В общем, я предъявил это все Полтавцу и сказал: «Ты можешь оставить все эти вопросы без ответов. Но я в любом случае об этом напишу». Он не стал ничего отрицать. А вскоре снова вышел на связь и рассказал свою версию событий.

— Вам было известно об убийстве Екатерины Левченко на тот момент?

— Достоверно — нет. Но я понимал, что если она столько времени не выходит на связь с родителями, то она может быть мертва. Гибель Дорофеева к тому моменту уже была подтверждена, была проведена

экспертиза останков. Логично было предположить, что и Левченко, скорее всего, погибла.

Следственный комитет сообщил об обнаружении в лесу под Рязанью женских останков 4 марта 2020-го — через день после публикации монолога Полтавца в «Медузе». Еще через несколько дней мать Екатерины Левченко подтвердила, что они принадлежат ее дочери.

Журналисты постарались максимально убедиться, что их собеседник — тот, за кого себя выдает, и что он в курсе деталей произошедшего, говорил суду Солопов. Так, один раз корреспонденты созвонились с Полтавцом по видеосвязи и сравнили его лицо с фотографией, которая была в материалах дела «Сети»: «У него были характерные черты внешности — нос картошкой, уши оттопыренные. Хоть он и менялся со временем, но был похож на себя. Потом я нашел в сети его интервью украинской радиостанции о том, как он бежал из России, и по голосу тоже достаточно уверенно его распознал».

Солопов вспоминал, что во время этой беседы он расспросил Полтавца о деталях убийства, которые «не мог знать человек, которого не было на месте», например, об одежде Артема и Екатерины, о местности. Так, Полтавец упоминал колодец в Лопухах, неправильно прибитую табличку с названием деревни при выезде из нее, поваленное дерево рядом с местом, где нашли Дорофеева, канавку между местами захоронения девушки и юноши, то есть «вещи, которые невозможно было откуда-то еще узнать». Позднее все эти ориентиры журналисты увидели своими глазами.

Его коллега Кристина Сафонова вела запись беседы, потом она выдала ее следствию вместе с нарисованной Полтавцом схемой участка леса, где, по его словам, произошли убийства. Примитивная схема, нарисованная в графическом редакторе, впоследствии помогла найти останки Екатерины Левченко, пояснил Солопов.

— Вы сказали, что Полтавец раскаивался. Как вы сделали такой вывод? — уточнил прокурор.

— Он сам об этом говорил. Сказал: «Я хочу, чтобы нашли останки. Но перед правоохранительными органами не хочу появляться». И я был вынужден дать ему какие-то гарантии, что я не буду помогать [силовикам] его искать... Надо понимать, что Полтавцу было 17 лет: он тянулся к старшим, стремился казаться более смелым, более дерзким. И мне было понятно, почему он во всем раскаивался. Потому что в таком возрасте люди не всегда отдают себе отчет в том, что делают. Но больше всего меня поразило, что абсолютно все знакомые [фигурантов

дела «Сети»] замалчивали эту ситуацию, никакого объяснения [пропаже Дорофеева и Левченко] не предоставляли. Много говорилось, что ребята подвергались давлению и пыткам — и вот у вас товарищи погибают, а вы замалчиваете этот факт. Вместо того чтобы заявить об этом, вы это скрываете.

— По вашему мнению, Полтавец сказал правду?

— За все время я так и не услышал альтернативной трактовки событий.

«Я сказал Полтавцу: "Мне неинтересно, где ты находишься"»

После гособвинителя Вадима Аладышева вопросы журналисту задал адвокат подсудимого Константин Карташов.

— Вам Хесин пояснял, почему он вел расследование?

— Да. Он изначально сочувствовал фигурантам дела «Сети» [из Пензы], хотя гораздо лучше знал их товарищей из Питера. Он принимал близко к сердцу эту историю. Как потом нам признавались другие люди, им было неприятно молчать о своей причастности к сокрытию правды. А наши коллеги, которые больше писали про дело «Сети», на все вопросы кивали и говорили: «Да, да, было что-то такое...», но не предпринимали никаких действий, чтобы все выяснить.

— Как Хесин узнал об этой истории?

— Она обсуждалась в чатах поддержки [фигурантов «Сети»], когда нашелся Дорофеев в лесу. Писали, что приезжали следователи, допрашивали Иванкина и [Михаила] Кулькова[2]. Но активные люди в группе поддержки просто разводили руками и предлагали не обращать внимание.

— Это Хесин показал вам материалы дела?

— Нет, сами материалы мы взяли у коллег. Но Хесин указывал нам на какие-то важные моменты в них.

— С кем еще вы общались из людей, которые знали про эту ситуацию?

— Конфиденциально много с кем. Не все имена могу разгласить; было несколько человек, которые опасались преследования, и я обязался не называть их. Из тех, кого нет оснований скрывать, была гражданская жена [фигуранта дела о петербургской ячейке «Сети»] Виктора Филинкова [Александра Аксенова]. Она покинула Россию, получила политубежище в Финляндии, так что не особо боялась. И нам она не отказала, максимально помогла пролить свет на эту историю, поделилась контактами.

— Эти лица сами с вами связывались или вы с ними?

— Инициативно с нами связался только Хесин, а дальше мы сами раскручивали эту историю.

— Противоречия были в их рассказах?

— Честно, существенных противоречий не было. Были, может быть, пробелы. Но существенных противоречий не было.

— Насколько подробно вы прочитали материалы дела?

— Для журналиста — более чем тщательно.

— В них были показания Полтавца?

— Там была его фотография и следственный эксперимент, где он что-то показывал… Именно допроса я там не помню. Но не исключаю, что он там был.

— А вам Полтавец рассказывал, что к нему применяли недозволенные методы ведения расследования?

— Да, он и до меня другим журналистам об этом говорил. Что он подвергся давлению после задержания.

— Кого еще, кроме Иванкина, Полтавец обвинял в причастности к убийству?

— Речь шла о Дмитрии Пчелинцеве и его друзьях. Он перечислял людей, которые были согласны, что надо избавиться от этих ребят [от Левченко и Дорофеева]. Но надо сказать, что он не был во всем уверен. Говорил: «Тот, может быть, был за, а этот, может быть, был против…».

— Вами как-то проверялась информация от Полтавца?

— Защитники нам эти вопросы не комментировали, отвлекаясь на второстепенные факты, типа того, что Пчелинцев не имел отношения к наркотикам[3].

— Полтавец вам подробно рассказывал про одежду [убитых]. Можете воспроизвести?

— Да, я его старался расспросить про детали одежды. Был момент, который мне запомнился: Левченко была в шарфе, и Иванкин жаловался [Полтавцу], что было тяжело ее зарезать, неудобно. Еще он упоминал рюкзак со значком швейцарского бренда экипировки, символом Швейцарии. Про лопатки он сказал — закапывать было тяжело, потому что они были маленькие, даже не саперные.

— Вы пояснили, что условием общения с Полтавцом были некие гарантии его безопасности. Что за гарантии?

— Я пояснил, что меня интересует его максимально правдивая версия событий, и пообещал, что не буду содействовать установлению его местонахождения. Он настоял на том, чтобы я избавился от телефона, по которому мы общались. Он боялся, что будут искать его контакты.

— Вы избавились?

— Да, избавился. Я ему сказал: «Мне неинтересно, где ты находишься». Его поиски не входили в мои обязанности, гораздо важнее было установить обстоятельства убийств.

— Вы предложили ему связаться с правоохранительными органами?

— Да, у него был адвокат, и с ней связывались правоохранительные органы. Но ни к какому успеху это не привело. Он был объявлен в розыск, значит, не договорились ни о чем.

После адвоката вопросы Солопову задал и сам подсудимый Максим Иванкин.

— В вашем тексте есть источники под псевдонимами «Алина» и «Владимир». Кто вас с ними свел?

— На 100% не могу сказать. Но мы общались со многими знакомыми фигурантов «Сети». Скорее всего, [мы вышли на них] через какие-то контакты Хесина.

— Пояснял ли вам Хесин, с кем из фигурантов дела «Сети» он знаком?

— Да, в первую очередь с [Юлием] Бояршиновым. Мне кажется, он с [Игорем] Шишкиным был знаком. И практически со всеми из так называемой группы поддержки.

— А из пензенских?

— С ними у него точно был один общий знакомый… Его потом девушки обвиняли в изнасиловании.

— Полтавец говорил вам, что якобы кто-то был за убийство Левченко и Дорофеева, кто-то был против. Откуда у него была такая информация?

— Из переписки, которую вы вели с Пчелинцевым. С ваших слов в переписке следовало, что был некий консенсус в отношении устранения Дорофеева и Левченко.

— Откуда у Хесина была информация о пропаже людей?

— Сначала эту историю рассказала девушка из Москвы[4], у которой вы с Кульковым скрывались на квартире. Она упоминала, что вы у нее на глазах обсуждали убийство. Она рассказала об этом вашей жене [Анне Шалункиной]. Но все решили, что это какая-то провокация, и никто не стал предпринимать никаких действий. А потом нашли тело Дорофеева[5].

Все вспомнили эту историю, и Хесин начал задавать вопросы. Он писал вам некие письма, записки… Но все начали обходить этот момент: «Это, наверное, не нужная нам сейчас информация, может повредить защите».

— Полтавец пояснял вам, видел ли он момент, когда я убивал девушку?

— Он видел, как вы уходили, и она кричала. Но к телу не подходил. Ему не хотелось смотреть на тело Левченко.

— Вы выражали негативное отношение к фигурантам дела «Сети» и ко мне лично?

— Нет.

— То есть в целом вы нормально ко мне относитесь?

— Ну... С подозрением, скажем так.

— Ваше расследование было независимым? Оказывалось ли на вас какое-то воздействие?

— Нет. Разве что меня пытались отговаривать от публикации ваши знакомые.

— То есть приоритета в ту или иную сторону у вас тоже не было?

— Нет. Мы пытались получить комментарии адвокатов, они от этого увиливали.

— Вы сказали, что Хесин был знаком с женой Дмитрия Пчелинцева. Как близко?

— Я не знаю, были ли у них какие-то романтические отношения, это уже предмет досужих разговоров. Но общался, да.

Когда долгий допрос журналиста закончился, судья Наталья Кияновская отдельно указала присяжным, что они не должны принимать во внимание субъективное мнение Солопова о правдивости рассказа Полтавца и других обстоятельствах дела: коллегию должны интересовать только изложенные факты.

Ближе к концу заседания гособвинитель попросил у суда разрешения показать подсудимому фотографии Полтавца, чтобы он уточнил, известен ли ему этот человек. Судья согласилась. Максим Иванкин отказался отвечать на этот вопрос, воспользовавшись

конституционным правом не свидетельствовать против себя.

На следующем заседании 3 апреля суд собирается допросить отца погибшего Артема Дорофеева. Перед окончанием заседания гособвинитель упомянул, что уже сделал запросы в погранслужбу ФСБ о перемещениях Кристины Сафоновой и Ильи Хесина. Первая, по словам Солопова, теперь живет в Риге, а местонахождение второго ему неизвестно.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Максима Иванкина и Михаила Кулькова задержали в Москве 4 июля 2018 года. Остальные пензенские фигуранты дела «Сети» были задержаны почти на год раньше — осенью 2017 года.
2. Еще один осужденный по делу «Сети». Он скрывался вместе с Иванкиным, они были задержаны только летом 2018 года.
3. В своем тексте на «Медузе» Максим Солопов и Кристина Сафонова писали, что фигуранты дела «Сети» также были причастны к торговле наркотиками (части из них такие обвинения предъявило и следствие).
4. В материале «Медузы» ее называют Ольгой.
5. Тело Артема Дорофеева обнаружили еще осенью 2017-го, но опознали останки только в начале 2019 года.